

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Т. М. Кривина

«НОВЬ» ТУРГЕНЕВА В ПЕРЕВОДЕ МАЙКЛА ПЕРСГЛАВА: СОВРЕМЕННЫЙ ТЕКСТ РОМАНА

Недавно в Британии появился перевод романа «Новь», осуществленный Майклом Персглавом.¹ Майкл Персглов (р. 1944) — известный в британских ученых кругах филолог, бывший преподаватель Экстерского университета (одного из лидирующих вузов Великобритании), автор многочисленных литературоведческих статей, опубликованных как в Англии, так и в нашей стране.² Персглову принадлежат многочисленные переводы из Пушкина, Лермонтова, Языкова, А. К. Толстого, Апухтина и др. Среди русских писателей, интересующих Персглава, —

¹ *Turgenev I. Virgin Soil / Translated by M. Pursglove. London: Alma Classics, 2014.*

² Нам, в частности, известна статья М. Персглава «Dulcis Fumus Patriae: Tjutchev, Turgenev and „Smoke“» («Dulcis Fumus Patriae: Тютчев, Тургенев и „Дым“»), вошедшая в сборник: *Turgenev and Russian Culture: Essays to Honour Richard Peace (Тургенев и русская культура: Сборник в честь Ричарда Писа) / Ed. by J. Andrew, D. Offord and R. Raid. Amsterdam; New York, 2008.* Этот сборник представлен в обзоре: *Кривина Т. М. Избранные страницы современного британского тургеневедения: О сборнике «Turgenev and Russian Culture» // Тургенев. НИИМ (3). С. 589–615.* Из работ Персглава, опубликованных в России, необходимо отметить, в первую очередь, статьи: *On a New Translation of «Отцы и дети» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. Вып. 11. С. 89–101; From «Дым» to «Rauchen» in Baden-Baden: A New Translation of Turgenev's «Smoke» // Там же. 2011. Вып. 14. С. 66–78; Breaking New Ground? Reflections on Translating Turgenev's «Новь» // Urbi et Academiae. Граду и научному сообществу. Научно-практический журнал. № 1 (3). СПб., 2012. С. 167–174.*

Л. Н. Толстой с его «Севастопольскими рассказами» — «Tolstoy: Sebastopol in May and Sebastopol in December» (1998), Григорович, которому посвящен труд «D. V. Grigorovich: The Man Who Discovered Chekhov» («Д. В. Григорович: Человек, который открыл Чехова», 1987); в настоящее время британский филолог-переводчик работает над книгой В. А. Гиляровского «Москва и москвичи». До «Нови» Майклом Персглавом были переведены романы Тургенева «Отцы и дети» («Fathers and Children», 2010), «Дым» («Smoke», 2012), в 2016 году планируется публикация «Дворянского гнезда».

Во введении к «Virgin Soil» и в статье «Breaking New Ground? Reflections on Translating Turgenev's „Новь“» («Новые горизонты?»³ Размышления о переводе тургеневской „Нови“») Персглав уделяет внимание истории перевода «Нови» на иностранные языки. Он отмечает, что ни одно другое произведение Тургенева не получило такого быстрого отклика за границей. Роман был сразу переведен на французский язык Алисой и Эмилем Дюран под названием «Terres Vierges» (1877).⁴ Особенно важно иметь в виду, что именно этот текст читался и отчасти редактировался Луи Виардо и самим Тургеневым. Кроме того, как справедливо отмечает Персглав, предложенный тогда иностранный аналог заглавия тургеневского романа оказал впоследствии доминантное воздействие на переводчиков. Затем появились немецкие тексты «Нови». К концу 1877 года, как сообщал Тургенев своему брату в письме от 26 октября (7 ноября) того же года, «Новь» «уже появилась на следующих языках: французском, немецком (четыре разных перевода!), английском, итальянском, шведском, польском, чешском, сербском и венгерском».⁵

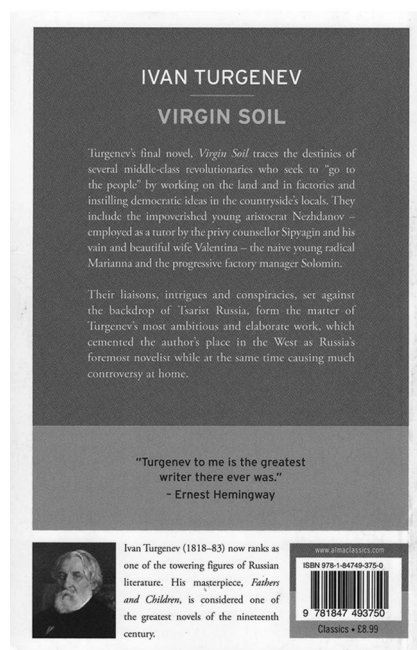
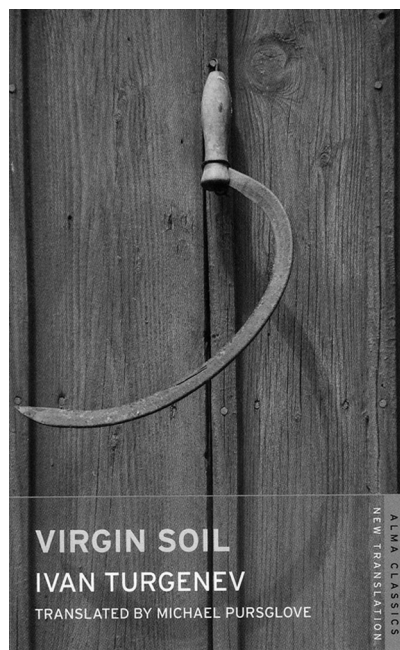
Английские переводы «Нови» заняли по времени создания лишь третье место. Первый из них появился в 1878 году в Америке: его автор, Томас Саргент Перри (Thomas Sergeant Perry), опирался на французский, а возможно, и на немецкий тексты тургеневского произведения. В том же году в Британии был опубликован перевод Эштона Уэнтворта Дилька (Ashton Wentworth Dilke), сделанный с оригинала.⁶ Однако более

³ Именно так — «новые горизонты» — переведено словосочетание «breaking new ground» в российской публикации в журнале «Urbi et Academiae» (см. выше).

⁴ Об этом переводе см. примеч. Н. Ф. Будановой: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 9. С. 536–537.

⁵ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 257.

⁶ Н. Ф. Буданова в упомянутых ранее Примечаниях к роману обращает внимание на работы Перри и Дилька (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 9. С. 541–542), однако последующие английские переводы «Нови» ею не учтены.

Роман Тургенева «Новь» в переводе М. Персглава (London, 2014).
Лицевая и задняя обложки

высоко оцененным в Англии оказался перевод К. Гарнет (Constance Garnett), появившийся впервые в 1896 году.⁷ Он имел многочисленные переиздания, последнее из которых вышло в 2000-м. Как пишет Персглав, «Америка ответила Констанции Гарнет в лице И. Хэпгуд (Isabel Hargood. — Т. К.), которая опубликовала свой перевод в 1904 году».⁸ Затем в 1911 году появился текст Р. Таунсенд (Rochelle S. Townsend). Никаких других переводов «Нови» на английский с тех пор не было создано, однако, несмотря на этот факт, Персглав полагает, что нигде популярность этого тургеневского произведения «не была столь огромной, как

⁷ Констанция Гарнет (Garnett; 1861–1946) — самый плодовитый в Британии переводчик с русского. На рубеже XIX и XX в. она познакомила своих соотечественников со всеми основными произведениями Тургенева (это 17 томов), также переводила Достоевского, Толстого, Гончарова, Чехова и других русских авторов (что в целом составило около 70 томов). Более полувека назад с деятельностью этой переводчицы нас познакомила А. Тове. См. ее статью: Констанция Гарнет — переводчик и пропагандист русской литературы // *ПЛ*. 1958. № 4. С. 193–199.

⁸ *Pursglove M.* Introduction // Turgenev I. *Virgin Soil*. P. VII.

в англоязычном мире».⁹ Такая точка зрения объясняется тем, что в Англии, да и в США роман переиздавался много раз. В то же время, очевидно, возникла настоятельная потребность в том, чтобы взглянуть на это произведение глазами человека XXI века.

Перечитывая «Новь» с перспективой анализа его английского перевода, утверждаешься в сочувствии к переводчику, обратившемуся к этому тексту: настолько сложной для иноязычного читателя — во многом явно непередаваемой — представляется словесная ткань романа. На память приходят высказывания В. А. Жуковского о трудностях стихотворного перевода. Например, известный его тезис из работы «О басне и баснях Крылова» (1809): «Переводчик *в прозе* есть раб; переводчик *в стихах* — соперник».¹⁰ В статье о переводе «Радамиста и Зенобии» Кребильона (1810) Жуковский утверждал, что «переводчик стихотворца есть в некотором смысле сам творец оригинальный».¹¹ Более чем через век М. Лозинский в своем исследовании «Искусство стихотворного перевода» (1935) заметит: «...поэт, приступая к переводу чужеземных стихов, берет на себя задачу, в конечном счете *невыполнимую* <...> В чем цель поэта-переводчика? В том, чтобы созданная им копия оказывала на воспринимающего точно такое же действие, какое оказывает оригинал, написанный на чужом языке».¹² Подобные размышления справедливы и в отношении переводческой работы с художественной прозой, особенно с такой, как тургеневская. В данном случае можно быть уверенным в том, что талантливый «переводчик в прозе» тоже не «раб», а «соперник» исконного автора.

Майкл Персгав в своих статьях о работе с романами «Отцы и дети» и «Дым» представил ряд тех трудностей, с которыми сталкивается переводчик, обратившийся к тургеневскому тексту. Это, прежде всего, реалии XIX века — исторические, социальные, политические и языковые, а также обилие иностранных слов и фраз — в первую очередь французских — и использование дублетов. В статье о «Нови» он выделяет и некоторые другие особенности тургеневской поэтики.

Переводчик обращает особое внимание на слова, словосочетания, фразы, отражающие специфику XIX века (а в главе о Фомушке и Фи-

⁹ Ibid.

¹⁰ Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 410.

¹¹ Жуковский В. А. «Радамист и Зенобия», трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Кребильона // Перевод — средство взаимного сближения народов: Художественная публицистика. М., 1987. С. 397.

¹² Лозинский М. Л. Искусство стихотворного перевода // Там же. С. 92.

мушке — по сути, XVIII-го): они в своем большинстве не имеют аналогов в английском языке. Он вспоминает главу XIX: описание дома Субочевых («...всевозможные сенцы, и горенки, и светлицы, и хороминки, и рундучки с перильцами, и голубцы на точеных столбиках, и всякие задние переходцы и каморки») или обеда «переклитков» («...всё старинные кушанья: сырники, пигусы, солянки, рассольники, саламаты, кокурки, кисели, взвары, верченую курятину с шафраном, олады с медом») или их послеобеденных развлечений («...тоже всё <...> старинные игры: в кребс, в ламуш или даже в бостон сампрáндер!»). К примерам, приведенным Персглавом, можно добавить массу других слов и словосочетаний, которые давно устарели. Среди них: шелкопер, жить на кондиции, на свой салтык, алтынник, сорокоум, приказчик, прасол, грош, кбзлы / кбзел («положите на кбзла саквояж»), десятины, версты, а также слово -ерик-с («знал-с» и т. п.) и буква «ять» и пр.¹³

В романе «Новь», как известно, сталкиваются представители различных социальных слоев, и переводчику необходимо учитывать тот факт, что «идушие в народ» дворяне говорят на своем языке, а простые люди — на своем. Особую «преграду» для иноязычного читателя представляет, конечно, разговорная лексика, и прежде всего — просторечия. Нелегко переводчику справиться с такими словами и словосочетаниями, как: миндальничать, закабалиться, подгулять, осклабиться, облобызаться, нализиться, зашибить копейку, молоть (чепуху), дуться в карты, смотреть букой, завсегдашний, кволенький, восвояси, засим и т. п. Встречаются в речи отдельных персонажей романа элементарные ошибки: «така вещия» (такая вещь), «небель» (мебель), «агличан» (англичанин), «прызводство» (производство) и т. п.

Возможно, ни в одном другом тургеневском романе не обнаруживается столько поговорок, пословиц, фразеологизмов, устойчивых словосочетаний, как в «Нови». Приведу лишь некоторые из них: назвался груздем — полезай в кузов; на людях и смерть красна; пришла беда, растворяй ворота; не ударить лицом в грязь; бить баклуши; сидеть как на иголках; куда ни кинь — все клин.

В статье «Breaking New Ground?..» Персглав выделяет в отдельную группу «вызовов» («challenges») переводчику слова с уменьшительно-ласкательными значениями. В английском языке, как известно, для образования таких форм нет суффиксов, соответствующих русским, а потому им очень трудно найти аналоги, если только использовать прилагательные «little», «small», «tiny», что далеко не всегда возможно. За примерами

¹³ Здесь и далее текст романа «Новь» цитируется по: ПССиП(2). Соч. Т. 9.

Персглав опять обращается к главе XIX, вспоминая «клетушки», «амбарчики», «погребки», «леднички», а также субочевское «крошечное фортепиано», которое издавало «беззубенькие», «кисленькие», «дряхленькие», «дрябленькие» звуки. К этому ряду можно добавить немало других примеров: шинелишка, ножки, головка, деревенька, квартирка, старичок, старенький комодец, водица, тетушка, плохонький, хроменький и т. п.

Не надо забывать и о том, что для иностранца странно звучат русские названия селений, фамилии, а также имена, особенно в уменьшительной и уменьшительно-ласкательной форме, в частности такие, как: Алеша, Коля, Вася, Боренька, Силушка. Сам Персглав особо отмечает говорящие имена — *nomms parlants* (Кисляков, Нежданов, Остродумов, Сила Самсонович Паклин, Силин, Сипягин, Соломин), но это иной пласт переводческих сложностей.

Само собой разумеется, что простое перечисление тех или иных специфических для тургеневского текста слов и фраз ничего не поясняет и не проясняет. В каждом отдельном случае та или иная языковая единица играет свою роль.¹⁴

Присутствие стихотворных текстов в романе — тоже проблема для переводчика. Стихи различны по содержанию, по жанровой принадлежности, по метрике. Персглав, не раз обращавшийся к русским поэтам, переведивший их, прекрасно понимает, как сложно передать специфику оригинала — лирико-меланхолического стиха из главы XII — «Милый друг, когда я буду / Умирать...» (с ним перекликается приведенное в сноске к главе XXVIII стихотворение Добролюбова «Пускай умру — печали мало...»), или пафосного философского стихотворения «Сон» из главы XXX («Давненько не бывал я в стороне родной...»), или незатейливых мелодраматических романсов, исполненных Фимушкой и Фомушкой. Кроме того, в романе цитируются строки из Лермонтова — тоже разные по мотивике и тональности (в главе VIII — из острословной «Тамбовской казначейши», а в XXIX-й — личностные, адресные — «Все это было бы смешно...») и т. д.

Что представляет собой английское издание последнего, во многом итогового, а потому, возможно, особенно значимого и для автора и для читателей романа «Новь»?

Книга «*Virgin Soil*» открывается портретом Тургенева, за которым следуют портреты Луи и Полины Виардо и некоторые другие иллю-

¹⁴ В ходе анализа основных свойств перевода Персглава будут затронуты отдельные аспекты проблематики и поэтики тургеневского произведения, но полноценное их рассмотрение в рамках данной статьи, конечно, невозможно.

страции биографического характера, тепло вводящие нас в мир русского классика. В небольшом по объему Введении М. Персглав знакомит читателя с историей создания «Нови» и с разноречивой реакцией критиков на роман, называет своих предшественников-переводчиков, поясняет суть заглавия, размышляет о стремлении Тургенева отыскать «нового героя» и о проблематике романа в целом. В своих суждениях о содержании тургеневского произведения Персглав частично опирается на комментарии А. И. Батюто и Н. Ф. Будановой к двум академическим изданиям Полного собрания сочинений Тургенева.¹⁵ Завершается книга Приложением, которое представляет собой статью обзорного характера о жизни и творчестве писателя, сопровождаемую краткой библиографией, включающей, однако, только труды зарубежных авторов. Исключительно важное место в данном издании занимают Примечания к роману, представляющие собой пояснения к русским именам, названиям, историческим и политическим реалиям XIX века, к различным литературным, мифологическим и прочим аллюзиям и т. д. Все это дает основание воспринимать данное издание тургеневской «Нови» как итог работы не только переводчика, но и филолога-исследователя.

Персглав использует традиционный аналог иноязычного заглавия романа. Так звучал французский его перевод («Terres Vierges»), близок к нему был немецкий вариант («Neu-Land» и «Neuland»). Англоязычные предшественники Персглава также не стали нарушать эту традицию. *Virgin soil* — «нетронутая земля» (точнее, «почва»), «целина». Становится понятным, почему именно это значение увидели переводчики в такой версии заглавия, когда вспоминаешь эпиграф к роману («Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом. *Из записок хозяина-агронома*»). Конечно, эпиграф, как и заглавие романа, имеет иносказательный смысл, от которого читателя отвлекает некий мифический «хозяин-агроном» (это своего рода авторская игра с читательским восприятием). Персглав отмечает во Введении, что заглавие романа следует воспринимать в переносном смысле, как «нечто новое», и упоминает предложенный Патриком Уоддингтоном иной его вариант — «Breaking New Ground» (to break new ground — распахать нетронутую почву). На первый взгляд, он соответствует эпиграфу, но, возможно, не вполне удачен. Хотя словосочетание «*virgin soil*» неточно отражает содержание емкого, многозначного тургенев-

¹⁵ Персглав выражает глубокую благодарность нашим известным тургеноведам, а также Ф. А. Литвину, профессору Орловского государственного университета, оказавшему ему помощь в собственно переводческой работе.

ского слова «новь», оно все же ближе к сути произведения, завершающегося утверждением «Безымянная Русь!». В словосочетании «breaking new ground» заложена некая положительная энергетика если не «поднятой», то «поднимаемой» целины, чего в романе Тургенева, как кажется, нет.

Эпиграф переведен Персглавом близко к оригиналу: «One must turn the virgin soil not with a ploughshare which skims the surface, but with the plough that goes deep. — *From the notes of a farmer*»,¹⁶ при этом переводчик понимает, что эта «цитата» — выдумка Тургенева (Notes. P. 261). В английском тексте «плугу» (plough) противопоставлен «плужный лемех» (ploughshare), а не «соха», но сохранена иллюзия апелляции автора только к первичному смыслу понятия «новь».

Когда пытаешься оценить новый иноязычный текст романа русского классика, в первую очередь хочется поблагодарить Майкла Персглава за отсутствие купюр. Можно не считать замеченных нами немногих случаев очень незначительных по объему «пробелов» (пропущенных слов или предложений), — в основном оправданных и, главное, принципиально ничего не меняющих. Например, понятно, что нереально передать на английском языке речь некоего раскольника: «Черт знает, что он молол, какая это была смесь церковного языка, книжного, простонародного — да еще не русского, а белорусского какого-то... „Цобе“ вместо „тебе“; „исть“ вместо „есть“; „ы“ вместо „и“ <...>» (гл. XXX). Переводчик отказывается от перевода словесной «абракадабры» и оставляет только первую часть фразы: «The devil knows what he was on about: it was a kind of mixture of ecclesiastical, literary and colloquial language — and not even Russian, and some sort of Belorussian words and sounds <...>» (P. 196).

Как справляется Персглав с теми «вызовами», которые бросает ему Тургенев? Что ушло из исконного текста? Что в нем изменено? Что в него привнесено? Главное, что в нем сохранено? Удалось ли британскому переводчику стать «соперником» автора?

Несомненно одно: Майкл Персглав является достойным собеседником русского писателя, вдумчивым и глубоким.

Об этом, прежде всего, свидетельствуют его комментарии к различным специфически русским реалиям и понятиям. В частности, пользуясь приемом транслитерации в передаче имен, названий и пр., переводчик всякий раз все разъясняет в примечаниях. Так происходит в случае

¹⁶ *Turgenev I. Virgin Soil*. P. 3. В дальнейшем ссылки на номера страниц данного издания будут даваться в скобках в тексте статьи.

с *noms parlants*. Например, англоязычному читателю невозможно понять горькую иронию, вложенную Тургеневым в имя и отчество Паклина, умного человека, аналитика-скептика, часто выражающего авторскую позицию, однако нестойкого, физически слабого, «хроменького», иными словами, не способного произвести впечатление, выглядеть убедительным. Персглав поясняет, что «*Sila Samsonovich... — Strength, Son of Samson*» («Сила, сын Самсона») (Р. 261). И очень хорошо, что он не идет дальше, не растолковывает, какую роль играет в романе используемый писателем прием, ведь и в самом тургеневском произведении этот прием работает на уровне подтекста. Фамилию «Нежданов» (*Nezhdanov*), которая ни о чем не говорит человеку, не знающему русский язык, Персглав переводит как «*Unexpected*» (Р. 262), что важно для понимания социального статуса, характера и умонастроения тургеневского героя. Перевод предлагается и к отдельным названиям селений, например, к упоминаемой в главе XXXII деревне Бабы Ключи: «*Babi Klyuchi... — Women's Springs*» («женский источник») (Р. 271).¹⁷ Объяснение дается к уменьшительно-ласкательным формам имен (*Alyosha, Borenya* etc.). Все реалии российской жизни XIX века, названия которых передаются в тексте через транслитерацию, также прокомментированы, например, «земство»: «*Zemstvo was one of the elected rural assemblies created by Alexander II in 1864*» («Земство — один из видов выборного сельского собрания, созданный Александром II в 1864 году») (Р. 263).

Апелляция к историческому контексту тех или иных упоминаемых Тургеневым явлений — важная составляющая работы переводчика. Примеров можно было бы привести немало, выделим лишь некоторые из них: Персглав объясняет и как будет называться Офицерская улица с 1918 года, и когда был образован Смольный институт, и какие реформы проводились в России в различные периоды ее существования, и кто какие посты занимал в тех или иных государственных учреждениях в XIX веке и т. д. Кроме того, благодаря переводчику его соотечественники узнают о периодических изданиях того времени (о «Московских ведомостях», о «Русском вестнике» и др.), о русских писателях и их произведениях (например, о гоголевских «Старосветских помещиках» и втором томе «Мертвых душ», о лермонтовской «Тамбовской казначейше» и т. д.). Не обходит стороной Персглав исторические европейские события и европейских политических деятелей и писателей. Достаточно

¹⁷ В данном случае возникает определенное стилистическое несоответствие между оригиналом и переводом, но, очевидно, оно объективно неизбежно. Эта проблема будет затронута далее.

много в примечаниях разъяснений всякого рода аллюзий, намеков на тех или иных лиц.¹⁸

Какие еще пути находит британский переводчик к преодолению тех языковых трудностей, на которые сам обращает внимание в упомянутой ранее статье, написанной до выхода в свет его текста «*Virgin Soil*»?

В ряде случаев Персглав отказывается от транслитерации в передаче русских имен, названий и некоторых реалий российской жизни, как это происходит с именем лошади Недвиги, которое он заменяет словом *Moveless* (неподвижная) (гл. XIX). Английские соответствия находятся названиям периодических изданий: «Московские ведомости» переводятся как «*Moscow News*», «Русский вестник» — как «*Russian Messenger*» и т. п. Кроме того, версты преобразуются в «мили» (*miles*), причем и в прямом смысле — переводчик определяет расстояния в измененной шкале измерения. Папироска (как и пахитоска) становится «русской сигаретой» («*Russian cigarette*»).

Кроме того, Персглав заменяет русские «слова ерик-с», выражающие подобострашие, чисто британским «*sir*». Так, в главе XXIII вопрос Калломейцева, с издевкой обращенный к Соломину: «Как-с? Что такое-с?», перерастает у Персглава в «*How's that, sir? What do you mean, sir?*» («Как же так, сэръ? Что вы имеете в виду, сэръ?») (Р. 150). В главе XXV тот же Калломейцев (один из самых несимпатичных автору персонажей) прямо заявляет: «А я говорю: отыщите мне „слово-ерик-с“! „Слово-ерик-с“ пропало — и вместе с ним всякое уважение и чинопочитание!». В английском тексте это звучит так: «*Find me the word *sir*. The word *sir* has disappeared — and with it all respect for and reference to rank*» («Найдите мне слово „сэр“. Слово „сэр“ исчезло — а с ним всякое уважение к званиям и почтительное к ним отношение») (Р. 158). Следует признать, что исконный русский текст таким образом явно англизируется. Тот же эффект обнаруживается в тех случаях, когда «госпожа» становится «*miss*», «голубушка» — «*dear lady*», а в пословицах появляются фунты, пенни и фартинги.

По-другому действует переводчик, когда имеет дело со старинной буквой «ять». В главе V говорится о происхождении фамилии «Калломейцев», в частности о том, что Семен Петрович поставил букву «ять» на место «е». Персглав передает это следующим образом: «...replaced the first E with an obsolete alternative» («...заменил первую букву „е“ альтер-

¹⁸ Во многих случаях отражается знакомство Персглава с упомянутыми ранее примечаниями наших исследователей к Полному собранию сочинений и писем Тургенева, с письмами самого писателя, с различными справочными изданиями.

нативной — устаревшей») (Р. 31), а в комментарии он поясняет, что такое «уат». Решается проблема и английского «you», когда тургеневские персонажи обращаются друг к другу на «ты» (как известно, такого местоимения в английском языке нет): в одном случае переводчик называет собеседника по имени (в уменьшительной форме), как это происходит в главе XXXVI, когда Нежданов обращается к Соломину: «А вы... а ты? — спросил Нежданов»; в английском тексте: «And you Solomin... Vasily?» (Р. 244), в других эпизодах говорится о «неформальном» обращении к собеседнику, как это происходит в главе XV, когда Нежданов и Марианна неожиданно переходят на «ты»: переводчик поясняет: «He reverted to the informal pronoun» (Р. 89).

Явные речевые ошибки персонажей Персглав сохраняет: неправильному «небель» соответствует «furniturements»; «агличану» — Englisher, «призводству» — «prodoostion» и т. п. В некоторых случаях он предлагает соответствующий по стилю английский аналог и для просторечий. Например, для калломейцевской ехидной характеристики «Русского вестника» — «крошечку подгулял» — «got „a touch tiddly“» («под мухой») (Р. 33).

Однако чаще всего трудно переводимым словам и словосочетаниям, в том числе и устаревшим, а также словам с уменьшительно-ласкательными значениями Персглав находит стилистически нейтральные аналоги.

Вот как он конвертирует приведенные им самим в статье «Breaking New Ground?...» зарисовки из главы XIX. Вспомним описание дома Субочевых: «И были в нем всевозможные сенцы, и горенки, и светлицы, и хороминки, и рундучки с перильцами, и голубцы на точеных столбиках, и всякие задние переходцы и каморки». Персглав пересоздает текст таким образом: «In the house there was every conceivable kind of vestibule, garret, chamber, box room, banistered landing, and wooden cross on carved pillars, as well as all kinds of back corridors and cubbyholes» (Р. 106). Это совершенно другой дом — с передней, чердаком, гостиной, лестницей с перилами, деревянным крестом на резных колоннах, многочисленными задними коридорами, домиком для игр — не патриархальный, сказочно-игрушечный, а вполне современный и массивный. То же происходит и с другими зарисовками: из описания уходит уменьшительно-ласкательная составляющая и некая мифическая ирреальность мира «переклитков» Фимушки и Фомушки.

Трансформацию оригинального текста можно увидеть и в других главах, особенно в тех, где появляются «люди из народа». Их речь в основном теряет присущий им колорит и практически мало отличается от речи дворян. Вот как разговаривает Татьяна, деревенская девушка,

у Тургенева: «Стало, так, по вольной милости живете? Теперь и это — тоже часто бывает. Допрежь больше у раскольников водилось, а ноне и у прочих людей» (гл. XXVII). И вот она же у Персглава: «So perhaps you're just living together in a free union? That's quite common now. It used to be the way of the dissenter, but now other people do it» («Итак, возможно, вы живете просто в свободном союзе? Теперь это вполне обычное дело. Это раньше бывало у раскольников, а теперь и другие так живут») (P. 177).

Корректирование разговорной лексики, часто просторечной, в переводе Персглава обнаруживается постоянно. Вот лишь некоторые моменты подобного рода. Фраза Паклина, обращенная к Нежданову в главе II, «Где уж тут миндальничать?!» превращается в «Why be sentimental?» («Не стоит быть чувствительным?») (P. 12). Его же «Да что вы все от меня хоронитесь?» преобразуется в «Why do you always keep me out of things?» («Почему вы меня от всего отстраняете?») (P. 13). У Тургенева в главе VI Сипягин «облобызался» с Анной Захаровной, в английском тексте эти персонажи «exchanged kisses» («обменялись поцелуями») (P. 38). Марианна, которая при первом представлении «могла казаться почти „дурнушкой“», «смотрела букой», у Персглава — «could almost have been called a „plain Jane“», «looked stand-offish» («некрасивая девушка», «выглядела высокомерно») (P. 34).

Что происходит с пословицами, поговорками, устойчивыми словосочетаниями? Их переводчик почти не теряет, но они порой преобразуются либо в нефразеологические высказывания, либо в английские параллели. Бывают случаи, когда обычное высказывание заменяется поговоркой или пословицей. Приведем несколько различных примеров. Дважды использует Тургенев пословицу «Назвался груздем — полезай в кузов». Персглав находит разные варианты ее переложения на английский. В главе VIII Нежданов в письме к Силину грустно замечает: «Вскорости придется надеть известную тебе лямку, то есть полезть в кузов, так как я назвался груздем <...>». Переводчик избирает здесь возвышенно-романтический аналог поговорки: «...I volunteered and the die is cast» («...я добровольно на это пошел — жребий брошен») (P. 52). В главе XXVIII Нежданов реагирует на слова Татьяны о том, что они с Марианной «берут на себя тяготу не в моготу», той же пословицей: «Назвался груздем — полезай в кузов», и в данном случае переводчик находит английское соответствие — «In for a penny in for a pound» («Отдал пенни, придется отдать и фунт») (P. 184). Татьянино «Берете вы на себя тяготу не в моготу!» трансформируется в английскую пословицу «You're biting off more than you can chew» («Откусываете больше, чем можете прожевать») (Ibid.). Между прочим, близкое к ней «Не в свои сани не са-

дись» (название пьесы Островского) Персглав переводит дословно «Don't Sit in Another Man's Sledge» (Р. 17).

Не является открытием, что сама специфика любого национального языка проявляется в процессе переводческой работы особенно остро. В данном случае приведем лишь один пример, ярко иллюстрирующий этот объективный факт. В английском тексте тургеневской «Нови» одно многозначное слово «friend» заменяет такие русские слова, как «друг», «дружище», «приятель», «приятельница», «знакомый», «знакомец», «компаньон» (также искаженное «кумпаньон»), а в одном случае — «родственник» (в гл. XXX, р. 199) и «товарищ». Правда, для последнего кое-где Персглав использует «comrade».

Можно было бы бесконечно проводить сопоставительный анализ двух текстов, обнаруживая несовпадения, но в рамках статьи это осуществить невозможно, да и не нужно. Приведенных выше примеров достаточно для того, чтобы понять, что «Virgin Soil» Майкла Персглава — в определенной степени *иное* повествование, в котором нивелируются многие стилистические особенности оригинала. Это современная податка романа русского классика, рассчитанная прежде всего на англоязычного читателя.

Возникает вопрос: не ведет ли подобная частичная трансформация подлинной писательской речи к утрате того, что мы называем авторским посланием (message)? Разумеется, нет. Скорее, напротив: проблематика «Нови», которая сегодня воспринимается не столько в историко-политическом, сколько в философском ключе, становится в этом воспроизведении более доступной и ясной. И не только проблематика.

Затронутые выше аспекты тургеневской поэтики — лишь одна из ее составляющих. Мы знаем, что великий русский повествователь был мастером подтекста, а его проза — эталон рафинированного, высоколитературного языка.

Показательно, что именно английские писатели увидели это в русском классике. Вот что сказал о нем эстет Оскар Уайльд: «Из трех великих романистов нашего времени Тургенев безусловно самый рафинированный художник. Он обладает редкой способностью отбирать наиболее важное — до мельчайших деталей, что и определяет существо стиля. Обращаясь к самым жгучим моментам бытия, он на нескольких страницах совершенной прозы умеет показать эмоции и настроения многих жизней».¹⁹ Джон Голсуорси, испытавший на себе влияние рус-

¹⁹ Wilde O. Russian Novelists // Wilde O. The Complete Works. N. Y., 1927. Vol. 12. P. 369–370. «Три великих романиста» — это, конечно, Тургенев, Толстой и Достоевский.

ского писателя, обращал особое внимание на этическое содержание творчества Тургенева, но, задавая себе вопрос «реалист ли Тургенев?», писатель отвечал на него следующим образом: «Он самый большой поэт, когда-либо писавший прозой, и никто не умел так ощутимо показать нам живые лица и события».²⁰ Вирджиния Вулф, писательница модернистской ориентации, чутко уловила суть тургеневского «суггестивного» метода, характер его «тайного психологизма». В своем эссе «Романы Тургенева» она пронизательно заметила, что произведения русского писателя «не ограничены пристрастными эмоциями, а потому не стали явлением локального, преходящего значения. Человек, говорящий в них, не громогласный пророк, а провидец, стремящийся многое понять».²¹

Майкл Персглав в своем восприятии творчества Тургенева продолжает традиции соотечественников, что является основным в его переводческой деятельности. Необходимо признать, что британский переводчик достойно, тонко, точно передает то главное, что стремился выразить в своем произведении русский писатель, и остается в основном верен его художественному методу.

«Новь» — произведение, не понятое и отторгнутое многими современниками, да и часто неверно трактуемое отечественными литературоведами последующих десятилетий, — по сути, интеллектуальный роман, «роман-дискуссия», в котором сталкиваются носители самых разных социально-политических и философских идей и жизненных установок.²² Не менее существенна в тургеневском произведении и его психологическая, эмоциональная составляющая — мир чувств его основных персонажей. В этом плане огромную роль играют в романе пейзажные зарисовки и, конечно, включенные в повествование стихи.

Майкл Персглав профессионально занимается поэтическим переводом, а это очень важно в случае с Тургеневым. Именно поэтическое начало в тексте Персглава — одно из основных его достоинств. Начнем со стихов, играющих важную роль в тургеневском романе. Они переведены Персглавом очень хорошо.

²⁰ *Голсуорси Дж.* Силуэты шести писателей // *Голсуорси Дж. Собр. соч.*: В 16 т. М., 1962. Т. 16. С. 340.

²¹ *Woolf V. The Novels of Turgenev // Woolf V. Mrs. Dalloway and Essays.* М., 1982. P. 250.

²² Тургенева в этом плане можно считать предшественником западных авторов: Б. Шоу, О. Хаксли, Т. Манна.

Стихотворные тексты всегда по-своему обеспечивали тургеневской прозе ее суггестивное наполнение.²³ В «Нови», как уже было сказано, немало поэтических вставок и они разноплановые. Персглаву удастся передать их содержание, образный ряд, структуру.

Сочинения Нежданова, независимо от степени их художественной значимости, отражают глубинную суть его «эстетической» души, явно вступающей в противоречие с тем народническим «делом», которому он «должен служить» и которое ему чуждо. Стихотворение, спонтанно сочиненное и занесенное в «заветную тетрадку» (гл. XII), — отражение его тревоги:

Милый друг, когда я буду
Умирать — вот мой приказ.
Всех моих писаний груду
Истреби ты в тот же час!
<...>
Перейду я в мир иной,
Убаюкан легким звоном
Легкой радости земной!

Персглав увидел в этом тексте нечто надсоновское и перевел его в надрывно-декадентском ключе — что сродни оригиналу, — сохраняя исходный четырехстопный хорей:

Dearest friend, when I succumb,
I of you shall this require:
Put together all my tomes
And destroy them all in fire.
<...>
To another world I go
And be soothed by gentler sounds
Of the gentle joys below.

(Р. 71).

Написанный до реальных попыток «хождения» героя романа «в народ», этот стих не несет на себе печати истинного трагизма и отчаяния, хотя его тема — смерть. Есть в нем что-то от литературной подражательной игры, и в английской его версии это присутствует.

²³ Американская исследовательница Джейн Костлоу очень точно показала, насколько существенное место занимает стихотворение Ламартина «Озеро», «пропетое» Зоей в романе «Накануне»: *Costlow Jane T. Worlds within Worlds: the Novels of Ivan Turgenev. New Jersey, 1990.*

В главе XXX Нежданов иной: это сломленный человек, и в горьком стихотворении «Сон» — фактически полное отрицание народнических иллюзий. Здесь слышится не только герой романа, но и сам писатель, посетивший свою родину после разлуки и увидевший, что «все по-прежнему», «все спит кругом: везде, в деревнях, в городах»:²⁴

Давненько не бывал я в стороне родной...
Но не нашел я в ней заметной перемены.
Все тот же мертвенный, бессмысленный застои
<...>
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!

Для названия Персглав из двух английских слов «sleep» (сон, спячка — *физиолог.*) и «dream» (сон, сновидение, мечта, видение, блаженство) выбирает первое, в чем исключительно точен. В переводе этого стихотворения, написанного, как и оригинал, шестистопным ямбом, совершенно иное звучание, нежели в «надсоновском» тексте.

For long I haven't been in this my native land,
But found I nothing there of noticeable changes;
Once living things are dead, in stagnant torpor stand
<...>
In sleep, unwakable, lies Holy Mother Russia.

(Р. 99–100).

Романс Фимушки и Фомушки, трогательно-слащавый, дружно спетый четой, передан переводчиком в соответствующей тональности. Приведем фрагмент эпизода:

На то ль, чтобы печали, —
начал Фомушка, —
В любви нам находить,
Нам боги сердце дали,
Способное любить?
Одно лишь чувство страсти, —
отвечала Фимушка, —

²⁴ Возникает ощущение, что в этом стихотворении можно обнаружить отзвуки и кальдероновской драмы «Жизнь есть сон», которая Тургенева глубоко интересовала, и стихотворения Байрона с одноименным названием. Как известно, тургеневский перевод другого стихотворения английского поэта — «Тьма» — до сих пор воспринимается как эталонный.

Без бед, без злой напасти
На свете есть ли где?

Нигде, нигде, нигде! —

подхватил Фомушка,

Нигде, нигде, нигде! —

повторила Фимушка.

Вот английский аналог этого дуэта:

Was it to find but woe

Fomushka began,

In love the Gods above
Us with a heart endow
That's capable of love?..
Can we a passion master,

Fimushka replied, to which Fomushka responded:

Which bringeth no disaster,
If so, then show us where.
Nowhere, nowhere, nowhere!

Fomushka then repeated:

Nowhere, nowhere, nowhere!

(P. 115).²⁵

Эта и последующая сцены с пением романса переданы Персглавом в полном согласии со словами Нежданова: «А что, — подумал Нежданов, как только рукоплесканья унялись, — чувствуют ли они, что разыгрывают роль... как бы шутов? Быть может, нет; а быть может, и чувствуют, да думают: „Что за беда? ведь зла мы никому не делаем. Даже потешаем других!“ И как поразмыслишь хорошенько — правы они, сто раз правы!».

Таким образом, возможно, компенсируются нивелировка и трансформация стилистических особенностей тургеневского повествования, о которых говорилось ранее. Здесь появляется и тепло, и наивная, чудачковатая патриархальность существования людей, как будто вырванных

²⁵ Здесь и далее, в отличие от предыдущих случаев, перевод английского текста не представляется необходимым, за исключением отдельных его составляющих, не совпадающих с оригиналом или не передающих его по сути.

из современности. Возвращается то, что ушло из английского текста с утратой уменьшительно-ласкательных и устаревших слов в описании быта «переклитков». Фомушка с Фимушкой — из безвозвратной старины, неуместной в новом времени, отсюда и авторская ирония. Но здесь царят нравственное здоровье и мудрость, вневременные понятия, — недаром Фимушка, напоминающая Бавкиду из гетевского «Фауста», дает точные характеристики своим гостям.

Вечной, вневременной сферой, как мы знаем, является у Тургенева природа. Персглаз замечательно передает тургеньевские пейзажные зарисовки — в этом проявляется мастерство поэта. В частности, он прибегает к аллитерации, как и Тургенев, но она у него своя. Обратимся, например, к финальной странице главы VII. У Тургенева читаем: «Он нашел комнату свою всю наполненную душистой свежестью: окна оставались открытыми целый день. В саду, прямо против его окна, коротко и звучно щелкал соловей; ночное небо тускло и тепло краснело над округленными верхушками лип: то готовилась выплыть луна. Нежданов зажег свечку; ночные серые бабочки так и посыпались из темного сада и пошли на огонь, кружась и толкаясь, а ветер их отдувал и колебал синезелтое пламя свечи». Можно услышать в приведенном фрагменте часто повторяемый звук [l], придающий этому описанию атмосферу мягкости, нежности.

У Персглаза: «He found his room filled with fragrant freshness: the windows having remained open all day. In the garden, right opposite his window, a nightingale was giving out brief bursts of sonorous song; the night sky was glowing dull, warm, red above the rounded tops of the lime trees; the moon was about to rise. Nezhdanov lit a candle; grey moths poured in from the dark garden, making for the light, circling and colliding; the wind blew them back and fluttered the blue-yellow candle flame» (P. 45). Здесь также повторяется звук [l] — в последнем предложении, но аллитерационно добавляются [f], [s] и [b], что наполняет текст энергетикой движения. Кажется, ритмика этого повествования в большей степени приближается к стиховой.

Прекрасно передана в английском тексте и тургеньевская пейзажная свето-цветопись и динамика природной жизни, которая радостью отзывается в человеческом сердце. Обратимся к фрагменту описания березовой рощи, места встречи Марианны и Нежданова в главе XXII. У Тургенева: «...длинные пачки ветвей качались, метались, как распущенные косы; облака по-прежнему неслись быстро и высоко; и когда одно из них налетало на солнце, все кругом становилось — не темно, но одноцветно. Но вот оно пролетело — и всюду, внезапно, яркие пятна света мятежно

колыхались снова: они путались, пестрели, мешались с пятнами тени...». Как видим, здесь в пейзаже осуществляется интеграция цвета, света и движения (синестезия).²⁶

В переводе, как и в оригинале, доминирующее значение имеют глаголы, обозначающие движение: «swayed», «tossed», «were scudding by high and swiftly», «passed across the sun», а также единичные прилагательные, обозначающие свет и цвет: «dark», «monochrome». Завершающее предложение, в котором и наблюдается прием синестезии, соответствует оригиналу: «...bright patches of light again flickered restlessly, intermingling colourfully with patches of shades» (Р. 135).

Естественно, в целом Персглав пересоздает оригинал, и у него это получается качественно.²⁷ Хочется снова обратиться к Жуковскому, который описал процесс преобразования исконного текста в переводной (опять забудем о том, что он имел в виду стихи): «...переводчик остается творцом выражения, ибо для выражения имеет уже собственные материалы, которыми пользоваться должен сам. А сотворить их может только тогда, когда, наполнившись идеалом, представляющимся ему в творении переводимого поэта, преобразит его <...> в создание собственного воображения...».²⁸ Персглав находит в своем воображении те «материалы», которые соответствуют источнику.

Особо следует отметить, что в английском переводе «Нови» обнаруживаются все нюансы тургеневского психологизма. Все то, что так тонко и чутко описывал Тургенев, есть у Персглава. Ему удастся вслед за Тургеневым передать состояние души всех основных персонажей романа — и тех, кто ему ближе, и тех, кому он явно не симпатизирует.

Нам пришлось бы процитировать значительную часть английского текста, чтобы продемонстрировать мастерство переводчика. Обратимся лишь к Нежданову, ибо он у писателя на первом месте. Нежданов представлен в романе и в многочисленных беседах с различными людьми, и в уединении — через внутренние монологи и письма к другу. Противоречие между внешним и внутренним мирами — суть его «трагической натуры» и «трагической судьбы».²⁹ Вспомним эпизод из главы XXI,

²⁶ Такой прием, как известно, характерен для поэтов-символистов.

²⁷ Само собой разумеется, что встречаются в переводе М. Персглава отдельные неточности, неудачно выбранные слова, фразы, но подобные моменты немногочисленны и общего впечатления от его текста не меняют.

²⁸ Жуковский В. А. «Радамист и Зенобия», трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Крепильона. С. 397.

²⁹ В кавычки заключены определения самого писателя. См.: ПССУП(2). Соч. Т. 9. С. 403.

отображающий терзания героя после многочисленных встреч, разговоров, когда он, наконец, оказывается в одиночестве в своей комнате: «Голова его все еще болела от выпитого вина, в ушах звенело, в глазах мерещилось, хотя он и закрывал их. Голушкин, Васька приказчик, Фомушка, Фимушка вертелись перед ним; вдали образ Марианны, как бы не доверяя, не решался приблизиться. Все, что он делал и говорил сам, казалось ему такую фальшь и ложью, таким ненужным и приторным вздором... а то, что надо делать, к чему надо стремиться, — неизвестно где, недоступно, за десятью замками, зарыто в преисподнюю...».

Вот как это передано в переводе: «His head was still aching from the wine he had drunk, his ears were ringing; images floated before his eyes, although they were closed. Golushkin, Vasya the steward, Fomushka and Fimushka whirled before him, and in the distance the image of Marianna, as if mistrustful, hesitated to approach. Everything he did and said himself seemed such falsehood and deception, such unnecessary and sickening rubbish, but what he needed to do, needed to aspire to, was missing, inaccessible, buried in Hades» (Р. 132). В этом отрывке, с одной стороны, проявляется та особенность текста Перслова, о которой говорилось ранее: разговорное слово «мерещилось» превратилось во фразу «images floated before his eyes» («перед глазами проплывали мысленные образы (видения)»), а «приказчик Вася» стал дворецким («the steward»). В целом для описания эмоций найдены очень точные аналогии, включая и английскую фразовую замену слова «мерещиться».³⁰

Сатирическое звучание социально-политической мотивики произведения особенно остро воспринимается именно в контексте лирической тональности английского перевода — в русле авторской концепции.

Ирония, сарказм, направленные против всего того, что Тургеневу представляется губительным для России, воссозданы в английском тексте. Вспомним, например, как в главе V Тургенев обрисовывает — с явной издевкой — позерство Калломейцева: «Уже по тому, как Семен Петрович Калломейцев, молодой мужчина лет тридцати двух, вошел в комнату — развязно, небрежно и томно; как он вдруг приятно просветлел, как поклонился немного вбок и как эластически выпрямился потом; как заговорил не то в нос, не то слащаво; как почтительно взял, как внушительно поцеловал руку Валентины Михайловны — уже

³⁰ Предлагаемые словарями для «мерещиться» «to seem», «to fancy» не отразили бы смятения героя романа, находящегося, к тому же, в нетрезвом состоянии. Слова «приказчик», очевидно, в английском языке нет.

по всему этому можно было догадаться, что новоприбывший гость не был житель провинции, не деревенский, случайный, хоть и богатый сосед, а настоящий петербургский „гранжанр“ высшего полета».

Перевод точен не только на лексическом, но и на структурном уровне. Персглав сохраняет ритмику оригинала: «From the way Semyon Petrovich Kallomeytsev, a young man of about thirty-two, entered the room — casually, carelessly, languidly — from the way he suddenly beamed pleasantly, from the way he inclined his body slightly sideways and then elastically resumed his upright posture, from the way his speech was not exactly nasal, nor exactly sugary, from the way he courteously took and effusively kissed the hand of Valentina Mikhailovna — from all this it was possible to deduce that the newly arrived guest was not a provincial, not a random rustic, albeit rich neighbour, but a real Petersburg top-flight „grand genre“» (Р. 31). Переводчик даже усиливает в какой-то степени авторскую иронию, когда использует слово «beamed» вместо «просветлел» (to beam — сиять, улыбаться лучезарной улыбкой) или слово «выправился» заменяет фразой «resumed his upright posture» («вернулся в вертикальное положение»), что звучит более официально и выпренно. Ритмика оригинального текста сохраняется за счет многократного анафорического повторения предложного словосочетания «from the way» (в оригинале повторяемые придаточные предложения вводятся союзом «как»).

Каждый из персонажей тургеневского романа предстает в английском переводе в полном соответствии с тургеневским повествованием, во всем характерном своеобразии.³¹

В центре внимания русского писателя — драматическая судьба «народников», обреченных на поражение. Сам Тургенев, впервые размышляя над новым романом в июле 1870 года, писал: «Они несчастные, исковерканные — и мучатся самой этой исковерканностью, как вещью, совсем к их делу не подходящей».³² А позднее, уже по завершении своего произведения, в письме к М. М. Стасюлевичу от 22 декабря 1876 года (3 января 1877 года) заметил, что в «Нови» решил изобразить «молодых людей, большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско».³³

У Тургенева редко встречаются однолинейные характеры. Так, Маркелова, Мишурину и Марианну объединяет преданность делу, которое

³¹ К сожалению, формат статьи не позволяет привести соответствующие примеры — пришлось бы цитировать значительную часть английского текста.

³² ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 399.

³³ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 268.

они считают значимым, а также страстность, но в остальном они своеобразные личности. Это проявляется, в частности, в Маркелове, человеке «упрямом», «неустранимом до отчаянности» («stubborn», «fearless to a fault»), который «презирал <...> и ненавидел фальшь и ложь» («loathed and despised falsehood and deceit») (Р. 62); с другой стороны — способном на влюбленность, на «эстетику» и на «честное добродушие» («honest kind-heartedness») (Р. 97), чему «внутренне подивился» Нежданов (гл. XVII). Переводчик очень внимателен к подобного рода нюансам.

В то же время Персглав хорошо передает сарказм писателя, направленный против чистых демагогов типа Кислякова: достаточно вспомнить только одно словосочетание, характеризующее пропагандистскую активность этого второстепенного персонажа, — «судорожная деятельность» (гл. XVII), переведенное на английский как «feverish activity» («лихорадочная активность») (Р. 97).

Персглав прекрасно понимает сложное отношение русского писателя к народничеству. В английском тексте передан разительный контраст между программой людей, искренне стремящихся к справедливости и желающих ходить «в народ» («go to the people» в английском тексте³⁴), но, по сути, этого народа не знающих, — и настроениями и поведением простых людей, в своем большинстве не принимающих и не воспринимающих народников, в худшем случае, расправляющихся с ними (как это было с Маркеловым). Но переводчик при этом сталкивается с теми языковыми трудностями, о которых говорилось ранее, — в частности, с просторечиями.

Вспомним эпизод из главы XXXII, в котором Нежданов терпит фиаско в осуществлении своей пропагандистской деятельности. Понимая, что никто из «народников» не знает, «как именно следует бунтовать народ» (здесь англ. «gouse the people»), он пытается все-таки исполнить свой долг. Тургенев жестко, резко, даже зло описывает процесс «общения» Нежданова с мужиками, которые затаскивают его в кабаки и спаивают. Следует признать, что британскому переводчику этой жесткости все-таки не хватает: например, русское «с размаху треснув его по плечу» у Персглава звучит мягче — «clapping him heartily on the shoulder» (Р. 211). Глагол «to clap» означает «похлопать», если «ударить», то не сильно, и переводчик затем, в главе XXXV, использует этот глагол адекватно, когда описывает губернатора, который «ударил себя по лбу» («clapped

³⁴ Конечно, соответствующий аналог русскому «хождению в народ» найти не просто, поэтому предложить иной вариант вряд ли возможно.

himself on the forehead») (Р. 231). Сцена в кабаке представлена в английском переводе несколько менее натуралистично, чем в оригинале. Заключают эпизод слова Павла, — в отличие от мужиков из кабака приличного, разумного человека «из народа», — и его высказывание, возможно, самый сильный аргумент, против народнических идей: «Хорошо бы, кабы не было господ и зёмли все были бы наши — чего бы лучше? — да приказа такого еще не вышло». У Персглава это переведено следующим образом: «It would be good if there were no masters and the land was ours. What could be better? But there's no such decree yet» (Р. 212). Это литературный перевод, без просторечных «кабы» и «чего бы лучше» и без простецкого «приказа» (в английском тексте — «декрет»).

Самого надежного своего героя, Соломина, Тургенев ведет по иному пути, на него — разумного, делового и честного человека — он возлагает определенные надежды. Однако финальные слова Паклина о «безымянной Руси» — итог горьких размышлений великого русского писателя о своей родине. Очевидно, Тургенев имел в виду, что Россия еще не нашла себя, не обрела достойного имени и являет собой неосвоенные просторы нераспаханной почвы.³⁵

Английская «Новь» 2014 года — современный текст, вернее, роман классика XIX века, обретший новую жизнь. Надо признать: это замечательная книга, потому что написана прекрасным автором и пересоздана талантливым переводчиком. Вспоминая высказывание М. Лозинского, без сомнения можно утверждать, что эта книга «оказывает на воспринимающего точно такое же действие, какое оказывает оригинал, написанный на чужом языке». Следует выразить огромную благодарность британскому филологу Майклу Персглаву за то, что он дает возможность своим соотечественникам и всем, кто знает английский язык, вернуться к произведению, которое заставляет нас задуматься не только о судьбе России, но и о страстях человеческих, о странностях любви, о подлинном творчестве, о поисках себя, о противоборстве добра и зла, о вечных жизненных противоречиях, о движении человека и человечества вперед...

³⁵ Предложенный Персглавом перевод словосочетания «Безымянная Русь» как «Anonymous Russia» представляется спорным. Лучше было бы использовать в данном случае прилагательное «nameless». «Anonymous» — не желающий открывать свое имя, а «nameless» — не имеющий имени.